

II ДУМА - ОБРЕЧЕННАЯ

Вторая Государственная дума очень напоминает того неизлечимо больного человека, который знает о своем роковом недуге, понимает, что он обречен и все-таки, надеясь на чудо, на исцеление, хватается за любое средство в инстинктивном стремлении выжить, "выкарабкаться", спастись. Не получилось - II Дума "прожила" всего 103 дня. И хотя это на 31 день больше того, что судьба отмерила ее предшественнице, - все существование II Думы, в отличие от первой, брызжущей, как казалось, молодостью и "здоровьем", было тягостным ожиданием "летального исхода".

"Смертельный вирус", витавший в российском воздухе и поразивший Думу, имел два резко выраженных "штамма": крайний радикализм и бескрайний консерватизм. Этот "вирус" внедрился в организм II Государственной думы уже на "эмбриональной стадии" ее развития - в процессе ее выборов.

Сама атмосфера выборов заметно отличалась от первой избирательной кампании, которая сопровождалась широким разливом в стране эйфорических ожиданий, что Дума явится панацеей от всех российских бед и усобий. Опыт перводумья, по сути, для всех печальный, был и учтен всеми. Левые партии, и прежде бойкотировавшие выборы, теперь приняли в них самое деятельное участие, применяли тактику "левого блока".

Центральная и местная власть также оросились наверху упущенное: "разъясняли" целые категории выборщиков (крестьяне, купившие землю при поддержке Крестьянского банка, лишались права участвовать в съездах землевладельцев; рабочие, имевшие квартирный ценз, теперь утрачивали избирательные права в городской курии и т. д.); осуществляли жесткий "прессинг" в отношении левых выборщиков и мероприятий революционных партий: "задевали" и кадетов (и без того понесших невосполнимую утрату в связи с устранением с поэтической арены депутатов, подписавших Выборгское воззвание); создавали режим наибольшего благоприятствования правым и умеренным партиям.

В результате во II Думе (в нее было избрано 518 депутата) по сравнению с первой, резко усилились фланги и весьма резким оказался кадетский центр. В этом смысле очень наглядна та сравнительная таблица I и II Дум, которую приводит в своих воспоминаниях П.Н.Милюков (33,т.1,с.417):

1. Крайне правых	?	63
2. Умеренно-правых (октябристы, умеренные)	38 (8%)	34 (7%)
3. Беспартийных (большой частью скрытых реакционеров)	112	22
4. Кадетов	184 (38%)	123 (24%)
5. Польских депутатов	32	39
6. Трудовиков и вообще "левее к.-д."	85 (18%)	97 (20%)
7. Социалистов (с.-д., с.-р. и народных социалистов)	26 (5%)	83 (17%)

П.Н.Милюков пишет, что "Вторая дума вышла гораздо левее Первой" (33,т.1,с.417) Парадоксально, что она стала таковой во многом потому, что оказалась и правее, чем первая Дума, - поляризация фракций, появление крайне правых с соответствующей "линией поведения" очевидны. Правые и левые, по словам П.И.Милюкова, "одинаково стояли на почве внепарламентской борьбы, - на точке зрения насильственного

государственного переворота. Строго "конституционным" оставался один кадетский центр" (33, т.1, с.417), а он, по выражению В.А.Маклакова, еще на выборах потерпел подлинный разгром (34,с.62). Правда, продолжает П.Н.Милюков, к этому центру (в первый месяц работы Думы) "в голосованиях примкнули национальные и профессиональные группы: поляки, мусульмане, казаки. Вместе они составляли 180-190 человек. Но это еще не было большинство и элемента прочности в себе не заключало. Ехидные голосования правых с левыми всегда могли его майоризировать" (33, с.417). Не удивительно, что П.Н.Милюков не верил "в прочность" Думы, смотрел пессимистически "относительно окончательного исхода" и этот скепсис "широко разделялся не в одних только наших рядах. Это настроение, свидетельствует П.Н.Милюков, набрасывало какой-то флер на всю нашу работу" (33,с. 418), - на всю, - ведь уже до начала сессии Думы поползли слухи, что ее "распустят раньше первого ее заседания, или искусственно придумают и создадут предлог, чтобы ее распустить" (32,с.63).

Подобные слухи стали особенно мушкетироваться после открытия заседаний народного представительства 20 февраля 1907 года. Именно "шаткое" положение Думы вынудило ее председателя кадета Ф.А.Головина просить аудиенцию у царя, который указал Головину, что Дума "по своему составу неспособна, что левое ее крыло заражено антигосударственными идеями, что такой состав Думы есть следствие неудачного избирательного закона, а потому надо изменить этот закон" (12,с.24). И П.А.Столыпин еще 20 февраля в разговоре с тем же Головиным, только что избранным председателем Госдумы, выразил опасение, что ему "трудно будет вести заседания Думы при малочисленном центре и наличности двух крыльев резкими противоположными взглядами" (12,с.131).

В Совете министров в атмосфере строжайшей секретности давно, как явствует из мемуаров министра финансов В.Н.Коковцова, шло обсуждение проекта нового избирательного закона б).

И царь все более склонялся к тому, что Думу "пора треснуть". Ф.А.Головин, делая доклад императору 17 мая, "отрицал, конечно, будто Вторая дума неспособна" и

внушал царю обратное (12,с.124). В конце беседы "государь сказал, что он пришел, было, к убеждению, что Дума неработоспособна и потому подлежит немедленному роспуску, но что из моего доклада, пишет Ф.А.Головин, он усматривает, что работа и в Думе и в ее комиссиях налаживается, а потому он готов еще подождать с роспуском и посмотреть, что будет дальше. "Дай бог, дай бог, чтобы ваши надежды на Думу оправдались", -сказал он мне на прощанье. Подождал государь еще две недели. Дума была распущена, как известно, 3 июня" (12, с. 125). Более откровенным, однако, Николай II! был со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которой выразил истинное свое мнение и о Головине ("полное ничтожество") и о Думе ("нужно дать ей договориться до глупости или до гадости и тогда - "хлопнуть"). Позиция же Ф.А.Головина в беседе с царем, общая со всей партией народной свободы, придерживавшейся тактике "бережения" Думы. Об этой тактике спустя много лет, уже в эмиграции, депутат II Госдумы, член ЦК кадетской партии И.В.Гессен вспоминал: "Теперь кажется непонятым неумолимое стремление сберечь Думу при полной уверенности, что она неминуемо будет распущена если не сегодня, то завтра" (11, с.249). Но тогда, в пору ее деятельности в ЦК кадетов афористически звучало: "Мудрость II Думы - беречь Думу" (45, с. 216). И им было ясно, что беречь решено Думу "как символ" (6,с. 5; 32, с.6) - спасти идею народного представительства (33,т.1, с. 418), "конституционную идею" (45,с. 174). Но не только. Этот лозунг кадетов имел для них практическое значение и в узком, и в широком смысле. Как говорил на заседании ЦК Л.И.Петражицкий, "Дума недолговечна... Но надо ... демонстрировать умеренность. Пусть изменяют тогда уже избирательный закон так, чтобы левые остались за флагом, но не мы" (45,с.172-173). При помощи лозунга "Беречь Думу" кадеты хотели создать "сильный конституционный центр" для "органической" законодательной работы, присоединив к себе слева народнические фракции, а справа - октябристов, польское коло и мусульманскую группу. Так они намеревались занять руководящее положение в Думе. Самый лозунг был "гуттаперчевым": учитывал стремление кадетов к постепенному расширению прав Думы и к "дружной

работе" народных представителей с "исторической властью". Поэтому кадеты свое требование кабинета, ответственного перед Думой, заменили более гибкой формулой - "министерство, пользующееся доверием большинства". Они решили воздерживаться от инициативы внесения собственных законопроектов и вести законодательную работу путем использования правительственных проектов (62, с. 199).

Тактика бережения Думы была навеяна кадетам и конъюнктурой спада революции, и их тяжелым опытом (45, с.213), расставанием с иллюзиями в отношении революции, "союзников слева", - радикальных партий, игравших на повышение в ходе "освободительного движения".

В междумский период и во время работы II Думы кадеты "посерьезнели", в целом, заняв теперь куда более умеренные позиции, чем те, на которых они стояли в I Думе. Характерно, что доклад о тактике, сделанный на заседании ЦК П.Н.Милюковым 15 февраля 1907 года, член ЦК А.М.Колюбакин определил так: "Общий тон доклада и линия нечто вроде октябристов - правое". И на Д.И.Шаховского он произвел впечатление, что "мы отступаем от программы" (45,с.180). При его обсуждении выяснилось, что большинство ЦК намеревались законодательную работу свести к поправкам и министерским проектам. Кадеты полагали, что ответный адрес и любые декларации - "опасная вещь". Они не хотели связывать себя программными заявлениями. В ЦК обнаружилось сильное течение за отказ от старой аграрной программы и за компромисс со столыпинским законодательством по ст. 87. И вообще внутри кадетского руководства явственно обозначилось стремление к примирению с правительством П.А.Столыпина. Не случайно, что термин "ответственное министерство" был "отодвинут" более гибкой формулой "министерство, пользующееся доверием большинства". В более умеренном духе, чем прежде, решался вопрос об амнистии, о запросах и др. Запросы должны быть тщательно обдуманы, чтобы не нарушать общего тона исключительно парламентской тактики в Думе. В ЦК были сильны настроения и в пользу осуждения политического террора, однако после продолжительных дебатов выяснилось, что кадеты так и не решились выразить порицание терактам от имени всей

партии. Но в целом тактика "бережения Думы " была одобрена и взята на "вооружение". Ответ на вопрос о том, почему кадеты перешли к ней, содержался в выступлении А.М.Коллюбакина: "Мы единственная ответственная конституционная партия. Мы одинаково ненавистны и правым и левым и мы главное препятствие сейчас к революции" (45,с. 175). И в Думе кадеты следовали этой тактике. Более того, в начале деятельности народного представительства ее поддерживали и некоторые другие фракции, 19 февраля накануне открытия сессии парламента, на квартире председателя партии народной свободы кн. Павла Долгорукова собрались примерно 300 депутатов Думы (кадеты, народовцы, трудовики, эсеры, меньшевики). Они приняли кадетский план распределения мест в президиуме Думы. На следующий день Ф.А.Головин был избран ее председателем 356 голосами левых и центра против 102 голосов всех правых. Кадеты заняли и многие другие ключевые посты в Думе, в частности, председателей основных комиссий и отделов. Трудовики, энесы и эсеры пошли за кадетами и в вопросе о декларации Совета министров, которую 6 марта огласил в Думе П.А.Столыпин.

Кадетская фракция, считая обсуждение политики правительства более целесообразным при рассмотрении отдельных законопроектов, предложила Думе принять следующую формулу: "Выслушав заявление председателя Совета министров, Государственная дума переходит к очередным делам" (14, 1907,т.1,стб.130). Эта формула нашла положительный отклик у народнических фракций и была принята подавляющим большинством голосов. Получилось так, как хотели кадеты: никакого вотума недоверия, полное молчание в ответ на первое выступление министерства.

Фракция народной свободы и в дальнейшем стремилась избегать острых конфликтов в Думе, демонстрировала свою лояльность правительству. Так было при обсуждении в Думе вопроса о помощи голодающим и при обсуждении вопроса о помощи безработным. В умеренном духе решала фракция и вопросы об амнистии и отмене смертной казни, добившись передачи их в думские комиссии. На первое место она ставила

законопроекты о местном суде и местном самоуправлении и много работала над ними.

Она пыталась оздоровить, "озонировать" и всю атмосферу в Думе: словопрения левых и правых были ограничены новым, более строгим наказом, составленным кадетом В.А.Маклаковым; отведены для мелких законопроектов и запросов два специальных вечера в неделю, организовано полтора десятка комиссий, в которых компетентно обсуждались думские и правительственные законопроекты. Словом, П.Н.Милюков имел основания считать, что "Дума показала себя не только сдержанной, но и работоспособной..." (33,т,1,с.420). В.А.Маклаков, разделяя этот взгляд, делал еще более обобщающие, "глобальные" выводы: "Во И Думе начали не только устанавливаться переживший все Думы порядок ее обихода, но и намечаться та объективно необходимая комбинация "прогрессивного блока", которая одна могла реформировать Россию без потрясений и изменить ее облик, сохраняя в ней и порядок и преемственность государственной власти ..." При этом В.А.Маклаков вовсе не идеализировал Думу: "О самой Второй думе жалеть не приходится. Она была неудачной и по составу и по своему исключительно низкому культурному уровню; в этом отношении из всех четырех русских Дум она побивала рекорд. Для той грандиозной задачи, которая была перед нею поставлена, она была мало пригодна; "работников" в ней было немного. Печально было не то, что эта Дума со сцены исчезла, а то, что ее преждевременный роспуск оборвал тот здоровый процесс, который в ней начинался. Быть может, именно потому, что уровень Думы был невысок, и авторитет ее невелик, процесс образования либерального рабочего центра имел такой симптоматический смысл. Он был органическим, вытекал из самой сущности дела, из новых отношений между Думой и властью..." (32,с.254).

П.А.Столыпину, как представителю этой власти В.А. Маклаков отводил особую роль: Столыпин, трезво учитывая уроки выборов, решил довести до конца опыт конституции, - не роспускать и не провоцировать избранной Думы, "попытаться с нею работать, а для этого прежде всего согласиться с кадетами... История Второй думы и есть история этой попытки..." (32,с.63).

То, что П.А.Столыпин действительно пытался "навести мосты" с Думой, следует и из других весьма надежных источников, которые, правда, по-разному оценивают мотивы его "поворота" к Думе. Председатель ее Ф.А.Головин многократно повторял, что П.А.Столыпин "одно время искренне желал, чтобы Дума существовала и работала". Но он усматривал в этом личную подоплеку: "Типичный временщик, Столыпин был другом или врагом той или иной политической группы, того или иного политического направления не по убеждению в их пользе или вреде государству, а в зависимости от того, что выгодно для него лично, для сохранения его влияния и его власти" (12, с. 146). Обстоятельства тогда сложились так, считает Ф.А.Головин, что падение Думы могло бы повлечь за собой и падение кабинета Столыпина. Сознывая это, Столыпин старался устранить все то, чем враги Думы могли воспользоваться для ее гибели. Одним из главных козырей в руках врагов Думы было утверждение, что Дума неработоспособна, что в ней нет прочного центра с определенной программой и что бюджет и все законопроекты правительства останутся не рассмотренными Думой, что Дума будет топтаться на месте в бесконечных прениях по аграрному вопросу и по всевозможным запросам, которыми засыпали Думу члены левого крыла. Для устранения вреда от подобных утверждений и для внесения в работу Думы необходимых для успеха дела планомерности и порядка нужно было выработать программу ближайших занятий Думы и приступить к ее осуществлению. Так и было сделано президиумом Думы совместно с совещанием старейшин. Бюджет и правительственные законопроекты были сданы в соответствующие комиссии, и был намечен список законопроектов, подлежащих рассмотрению в первую очередь. Во время одной из бесед с Ф.А.Головиным по поводу намеченного Думой плана работ, П.А.Столыпин "развил мысль о желательности, в интересах дела, договориться правительству с большинством Думы о порядке обсуждения бюджета и внесенных правительством законопроектов, а также о минимуме правительственных требований по отношению к главнейшим законопроектам" и просил Ф.А.Головина "взять на себя посредничество между ним и центром Думы, т.е. партией к.-д." (12. с.138).

О "министерской линии", колебавшейся в первое время работы Думы между правыми и кадетским центром, пишет и П.Н.Милюков, считавший, что "тут не совсем потеряна была надежда на сотрудничество большинства этого рода": П.А.Столыпин в министерской декларации "резко разделил центр от левых, предоставив первому свободу высказывать свои мнения, хотя бы и противоположные, и вносить поправки, правда только частичные, к правительственному законодательству. Левым же он ответил, сформулировав их позицию словами "руки вверх", решительной фразой: "не запугаете!" (33,т.1,с.429-420). П.Н.Милюков рассказывает и о его личных контактах с П.А.Столыпиным, свидетельствующих о желании премьера работать с Думой (33,т.1,с.423-425).

В.Н.Коковцов, хорошо знавший П.А.Столыпина, постоянно общавшийся с ним и в пору деятельности II Думы полагал, что П.А.Столыпин "был убежденным поборником не только народного представительства, но и идеи законности вообще", П.А.Столыпина влекло "к тому, чтобы еще и еще терпеть все выходки Думы и добиваться ее перехода к нормальной работе" (26,т.1,с.325).

Этому немало страниц посвящено и в книге В.А.Маклакова дотошно, до мельчайших подробностей изучившего историю II Думы.

Наблюдения современников П.А.Столыпина игнорировать невозможно. Может быть, и поэтому в советской историографии, в которой П.А.Столыпин чаще всего изображался как реакционер, тем не менее признавалось, что он "некоторое время пытался отыскать в Думе центр, на который правительство могло бы опереться" (62,с. 399). Е.Д.Черменский ссылается здесь на весьма ценный исторический источник: "Близкий к придворным кругам ген. А.А. Киреев в мае писал в своем дневнике: "Столыпин все старается состряпать центр и рассчитывает для сего на кадет, которых он надеется отделить от ультралевых" (62,с.399).

С целью облегчить кадетам задачу по сколачиванию работоспособного центра правительство выступило в Думе с либеральной декларацией, а в речах главноуправляющего землеустройством и земледелием кн. Б.А.Васильчикова и самого

П.А.Столыпина признавалось возможным в известных пределах принудительное отодвигание границ для улучшения условий крестьянского землевладения. "Обмолвки" Б.А.Васильчикова и самого П.А.Столыпина об обязательном отчуждении были пробным шаром, с помощью которого они рассчитывали при посредстве кадетов привлечь на сторону аграрных законов по ст.87 более умеренную часть крестьянских депутатов (62,с,399-400).

Все это, особенно декларация Столыпина, нашли благоприятный отклик у кадетов. Ведь в ней Столыпин заявил, что руководящая мысль правительства - "создать те материальные нормы, которые должны воплотиться в новые отношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое..." (14, 1907, т.1, стб. 107). Вследствие этого правительство внесло на рассмотрение Госдумы и Госсовета законопроекты о неприкосновенности личности и свободе вероисповедания, об упразднении земских начальников и волостного суда, о восстановлении избираемых населением мировых судей, о бесклассовой самоуправляющейся волости, о восстановлении избираемых населением мировых судей, о расширении компетенции земских органов самоуправления и др. Столыпин терпеливо растолковывал депутатам чрезвычайные аграрные законы, проведенные по ст. 87 Основных законов, и прежде всего указ 9 ноября 1906 г., уничтожавший закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда" (40).

В сфере рабочего законодательства декларация намечала предоставить промышленникам и рабочим необходимую свободу действий через посредство профессиональных союзов и путем ненаказуемости экономических стачек. В декларации говорилось и о государственном страховании рабочих в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости, о воспрещении малолетним, подросткам и женщинам ночных и подземных работ, о сокращении продолжительности труда взрослых, установленной законом 2 июня 1897 г., об общедоступности, а вследствие и обязательности начального образования. Декларация завершалась эффектной "концовкой": "Лишь обдуманное и твердое

проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы..." (40).

Это действительно была либеральная, без кавычек (их прежде делали в нашей историографии) и отнюдь не "лицемерная" декларация. Кадеты одобрительно отозвались о ней: перечень министерских законопроектов "явно заимствован у партии народной свободы", "законопроекты, разработанные на тех основаниях, которые указаны министерской декларацией, можно было бы принять как возможную основу для думской законодательной работы" (62). Лидерам партии пришелся по душе и "экспромт" Столыпина, - его вторая речь в тот день, когда была прочитана декларация, - речь, вызванная резкой критикой декларации со стороны думских "левых". В этом выступлении он с "пониманием" отнесся к либеральной оппозиции, с которой возможна совместная работа, и резко враждебно - к социалистам, бросив им слова, облетевшие всю Россию: "Не запугаете!". Правые в Думе устроили Столыпину восторженную овацию. И многим кадетам, как вспоминал В.А.Маклаков, "только партийная дисциплина помешала аплодировать" (32,с.96). Кадетский официоз "Речь" писала, что Столыпин "обнаружил, наконец, тот общий язык, на котором он мог бы говорить с большинством Думы" (62,с.373).

И все-таки кадетская тактика бережная Думы, не отвергавшаяся по основному своему смыслу и правительством, по крайней мере в лице Столыпина, оказалась недолговечной и неэффективной, - она не спасла народное представительство от роспуска. По мнению В.А.Маклакова, депутата II Думы и ее талантливого историографа, это был роковой роспуск: он был преждевременным и, главное, сопровождался изменением избирательного закона. Эти обстоятельства имели катастрофические последствия для России. "Правые, писал Маклаков, воспользовались ошибками Думы, предубеждением против нее Государя и стремительностью жестов Столыпина, и сумели на роспуске ее настоять. Для мирного развития России он

был большим ударом, чем преждевременное прекращение Первой. Первая дума, против своего желания, вела все-таки нас к революционному взрыву; Вторая же, если бы ей это время позволило, могла бы от него Россию избавить. После ее неудачи вес пошло по иному". Третья Дума компрометировала и Столыпина, и октябристов. Несмотря на внешний успех конституционного строя и связанный с ним расцвет экономической жизни, она вела к возобновлению старой борьбы власти и общества. Это обнаружилось в IV Думе. И при третьейиюньском законе результат выборов оказался другой. "Страна опять явно левела, а вместе с нею и Дума. Правительство же искало спасения в еще большем повороте направо. Серьезный конфликт назревал. Он был замаскирован и отсрочен войной. Под влиянием военной опасности думские партии уже обдуманно перешли к той спасительной комбинации "прогрессивного блока", которую инстинктивно наметила II Дума. Это был новый и самый реальный шанс примирения с властью. Но с этим было опоздано. Верховная власть тогда с рельс уже сошла и летела к пропасти, ничему не внимая (32,с.257-258). Об этом тогда же, накануне краха монархии, В.А.Маклаков писал в аллегорической, но предельно ясной всем форме, назвав царское правительство "безумным шофером".

Во всей этой полной драматизма картине II Дума слишком "центрична", слишком выдвинута на первый план в судьбах страны. Такое "смещение" - результат того, что В.А.Маклаков переоценил, преувеличил возможность "выживания" II Думы. В действительности у нас не было выбора "быть или не быть": при том раскладе политических сил в стране и в Думе она на всех парах шла навстречу своему роспуску. "Ошибки" ее в тех условиях были "органичны" для нее, - она просто не могла многих из них не делать. В.А.Маклаков ставил Думе в упрек, считал ее ошибкой, что она открыто не осудила политический террор, чего так упорно добивался от нее Столыпин. Но ведь и сам В.А.Маклаков в 1907 г. на заседании кадетского ЦК предлагал "такую резолюцию, которая осуждала бы правительство и на него взваливала бы вину за политические убийства", хотя он тут же и добавлял, что самые убийства надо осудить (45,с.182). П.Н.Миллюков считал, что на этом вопросе:

осудить или не осудить, "решается судьба Думы" (33, т. 1, с. 425). Столыпину, по словам Милюкова, специально вызванного в резиденцию премьер-министра для конфиденциального разговора на эту тему, достаточно было и "слова осуждения", даже анонимного, которое бы прозвучало со страниц кадетской "Речи". Милюков склонен был согласиться на это, - к тому побуждало его собственное негативное отношение к террору. Но чтобы принять окончательное решение, он прямо от Столыпина поехал к И. Петрункевичу. "Выслушав, мой рассказ, писал Милюков впоследствии, "старый наш вождь, уже отходивший тогда постепенно от руководства партией, страшно взволновался: "Никким образом! Как вы могли пойти на эту уступку, хотя бы условно? Вы губите собственную репутацию, а за собой потянете и всю партию. Как бы вы осторожно не выразили требуемую мысль, шила в мешке не утаишь, и официозы немедленно ее расшифруют. Нет, никогда! Лучше жертва партией, нежели ее моральная гибель"... Статья, конечно, не была после этого написана. И Столыпин сделал из этого надлежащий для себя вывод..." (33, с. 424-425).

Однако больше всего его подтолкнуло к "надлежащему выводу", т.е. роспуску Думы, ее позиция в аграрном вопросе. "На нем, считал Столыпин, роспуск неизбежен" (32, с. 246). Для него был очевидным уже провал всех попыток кадетов склонить крестьянских депутатов на путь примирения с аграрным законодательством по ст. 87. Действительно, позиция трудовиков в вопросе об осуждении революционных убийств (трудовики рассматривали их как законный ответ на казни, осуществляемые официальной властью), голосование против контингента новобранцев, наконец, внесение перед окончанием аграрных прений формулы с требованием принудительного отчуждения - все это показало, что тактика "бережения" Думы стала чисто кадетской. Официальная "Россия" и "Новое Время" начали доказывать, что расчеты на "посредничество" кадетского центра не оправдались, так как кадеты не имеют никакого "нравственного авторитета" среди левых, "народные желания" не совпадают с тактикой кадетов и последние не в состоянии примирить крестьян с помещиками. Поэтому соглашение с кадетами бесполезно (62, с. 404). И сам Милюков признавал, что

"наша осторожность, то "бережение", которое теперь становилось, действительно, только нашим, "кадетским", все более становилось бесцельным. Кроме нас и левых, были еще в Думе и вне ее правые, которые и выступили на сцену -победителями в нашей распре..." (33,т.1,с.421).

И в самом деле, правые "давили" на кадетов и правительство со всевозрастающей силой. Ультраправые имели влияние при дворе и всеми силами старались восстановить царя и против Госдумы, - и Столыпина. Они считали, что думские заседания имеют "характер митинговых сборищ... В самой Думе им было "горько, мучительно: иные интересы, настроения -злоба, мятеж и ненависть..." Их тревожило, что "революционно-агрессивная настроенность Думы передавалась петербургскому населению (а дальше всей России и повсюду раздувала пламя политических страстей)" (21,с.172-173, 166; 26,т.1,с.218). Особое их негодование вызвал "зурабовский инцидент" - при обсуждении вопроса о контингенте новобранцев социал-демократ Г.Зурабов "непочтительно" высказался о российской армии, заявив, что "армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена в целях внешней обороны, что такая армия будет великолепно воевать с нами... но всегда будет терпеть поражение на Востоке". Министры после этих слов оратора демонстративно покинули зал заседаний Думы. И все правые усмотрели в этих словах "оскорбление армии" (62,с.383). Царь был также возмущен выступлением Зурабова: "Открыто призывалось население к бунту, позорилась армия, смешивалось с грязью имя моих предков" (26, т.1, с.229). С этого дня роспуск Думы был фактически предрешен, и наступила, по выражению В.Н.Коковцова, ее "неизбежная агония, тянувшаяся до 2 июня" (26, т.1, с.224). "Задержка" вызывалась главным образом тем, что разработка новых правил о выборах в Думу "еще не была окончена, и у самого Государя оставались некоторые сомнения по отдельным частностям, требовавшие еще работы нескольких недель" (26, т.1, с.229).

Масла в огонь подливала и правая пресса, требовавшая "крови" II Думы. "Московские ведомости" через всю первую страницу жирным шрифтом печатали изо дня в день: "А прежде всего Дума должна быть распушена". В великосветских салонах

также резко усилились антидумские настроения. Царь требовал от Столыпина, чтобы он представил "ему на рассмотрение избирательный закон в окончательном виде как можно скорее, потому что необходимость роспуска Думы не допускает в нем больше никаких сомнений" (26, т.1, с.229).

Вопрос о новом избирательном законе был обсужден на трех заседаниях Совета министров в последних числах мая. Были рассмотрены три варианта изменений положения о выборах, составленные товарищем министра внутренних дел С.Е.Крыжановским. Остановились на схеме, названной кем-то "бесстыжей", так как в ней слишком откровенно проявлялась тенденция пропустить выборы через фильтр крупного землевладения, что достигалось перераспределением количества выборщиков между отдельными разрядами избирателей.

Столыпин, по наблюдению Коковцова, "немало боролся с самим собой прежде, нежели он решился встать на путь пересмотра избирательного закона..." (26, т.1, с. 225). К этому его настойчиво подталкивал и царь, который вообще торопил премьера с роспуском Думы. А.А.Киреев отмечал в своем дневнике: "Государь настаивал на роспуске Думы, а Столыпин долго не соглашался на крутые меры..." (62,с.400). О том же говорит и письмо Николая II к Столыпину от 2 июня 1907 г.: "Я ожидал целый день с нетерпением извещения Вашего о совершившемся роспуске проклятой Думы. Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет не чисто и пойдет взятка. Это недопустимо. Дума должна быть завтра, воскресенье утром распущена. Твердость и решимость - вот что нужно показать России. Разгон Думы сейчас правилен и насущно необходим. Ни одной отсрочки, ни минуты колебания! Смелым Бог владеет! (62, с.408-409).

Еще 1 июня Столыпин потребовал отстранения от участия в заседаниях Думы 55 социал-демократов и немедленного лишения 16 из них депутатской неприкосновенности для привлечения к суду по обвинению (как потом выяснилось, фальшивому) в подготовке военного заговора против существующего строя. В ночь со 2 на 3 июня кадеты П.Б.Струве, С.Н.Булгаков, М.В.Челноков, В.А.Маклаков, стремясь предотвратить роспуск Думы, посетили Столыпина. Он

потребовал "устранить" социал-демократов из Думы, - "они ей мешают не меньше, чем мне. Освободите Думу от них и вы увидите, как хорошо мы с вами будем работать". Маклаков сказал на это, что будет голосовать против требования правительства, ибо оно морально и политически невозможно: страна бы нас оттолкнула". - "Тогда ничего не поделаешь, заключил Столыпин, - но это вы сейчас распустили Думу". Кадетские парламентарии поняли, что Столыпин уже связан и только стремится переложить на других ответственность за государственный переворот (32,с.246-247).

3 июня Дума была распущена, Думцы восприняли это спокойно и разъехались по домам. Как и ожидал Столыпин, никакой революционной вспышки не последовало. В целом, население отнеслось к разгону Думы индифферентно: была без радости любовь, прощанье было без печали. Более того, считается общепринятым, что акт 3 июня ставил точку в первой российской революции.